

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Г.В. ПУШКАРЁВА

***Homo politicus*: политическая реальность и политический дискурс**

Статья посвящена определению места и роли человека политического (*homo politicus*) в конструировании политической реальности. Раскрываются такие свойства политической реальности, как intersубъективность и символичность, описываются коммуникативные механизмы ее воспроизводства и развития.

Ключевые слова: человек политический, политическая активность, политическая реальность, социальная реальность, политический дискурс.

The article is devoted to the place and role of political individual (*homo politicus*) in the construction of political reality. Such qualities of political reality as intersubjectivity and symbolism are revealed; communication mechanisms of its reproduction and development are described.

Keywords: human political, political activism, the political reality, social reality, political discourse.

Существует мнение, что политика – удел активных, избранных, жаждущих власти и стремящихся к публичности. Оно усиленно поддерживается средствами массовой информации. На страницах газет и журналов, на экранах телевизоров и мониторов политика представлена в виде заявлений политических лидеров, решений государственных должностных лиц, критических суждений оппонентов действующей власти, акций протеста и акций поддержки политического режима. Медийный образ человека политического – активный участник политических событий, однако удельный вес политически активного населения невысок. По данным Института социологии РАН, в 2011 г. доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, составила 18%, а тех, кто политикой не интересуется, – 33%. Большинство же (49%) политикой интересуются факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события [Двадцать... 2001]. А на вопрос исследователей Фонда общественного мнения, хотели бы вы заниматься политикой, менее 1% россиян ответили, что уже занимаются политикой, 6% хотели бы заниматься, а 91% не испытывают такого желания [Политика... 2012].

Значит ли это, что человек политический – социальный тип, составляющий меньшую часть российского общества? Утвердительный ответ на этот вопрос предполагает, что сущностная характеристика такого человека – политическая активность, то

Пушкарёва Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

есть осознанное участие в принятии политических решений, открытая демонстрация своей политической позиции, вовлеченность в различные политические организации, участие в политических акциях и т.п. Именно такой подход характерен для ряда исследователей, которые считают, что “человек политический (*homo politicus*) – определенный тип человеческой личности, главным мотивом социальной деятельности которого является стремление реализовать себя в области принятия решений на государственном уровне” [Политическая... 1999, с. 605]. Близкое по содержанию определение дал И. Щеглов [Щеглов, 2012]. Но как в этом случае идентифицировать тех, кто своим безмолвием фактически обеспечивают функционирование в стране определенного режима политической власти, кто своим бездействием дают возможность политическим лидерам инициировать те или иные политические изменения?

Политика подобна айсбергу. Ее “надводная часть” – политически активные люди. Они на виду у всех, их действия обсуждают в СМИ, они служат олицетворением политической жизни в обществе. Но в обществе есть и те, кто демонстративно заявляют о своей аполитичности, сторонятся политических партий, воздерживаются от участия в политических акциях. Таких людей большинство, их участие в политике невозможно определить визуально. Но без этих людей невозможна сама политика, как невозможно на власть без тех, кто должны подчиняться элите, как невозможно государственное управление без тех, кто будут реализовывать принимаемые решения и следовать законам, как невозможны лидеры без своих последователей, готовые прислушиваться к их словам, реагировать на их призывы, идти за ними, выполнять их волю. Если продолжать аналогию с айсбергом, то это политически неактивное большинство составляет скрытую от взгляда часть плавающей ледяной глыбы.

Отношение к массе всегда было снисходительным, нередко пренебрежительным. Ее сравнивали с толпой, слепо идущей за лидерами и неспособной на самостоятельные оценки и действия. Ее обвиняли в иррациональности, неспособности критически и взвешенно выстраивать линию поведения, импульсивности и склонности к агрессии. Однако специфика айсберга в том, что реальную угрозу идущему кораблю всегда представляет скрытая под водой часть ледяной глыбы, размер и, следовательно, разрушительную мощь которой трудно оценить визуально. Политический потенциал общества определяется не только качеством политической элиты, но и готовностью массы позволять политически активной части населения совершать те или иные действия. Человек политический – не только рациональный участник политических событий, но и представитель той самой массы, в недрах которой формируется система социальных ожиданий, предписывающих политикам следовать определенным ролям, демонстрировать соответствующие модели поведения.

Конечно, политика воспринимается прежде всего как яркие события, но не следует забывать, что она включает также систему институтов и отношений, нормы и правила политических взаимодействий, ценности и мифы, научные концепции и обыденные представления о власти в обществе. Все эти составляющие политики существуют только благодаря людям, их способности в бесконечном пространственно-временном континууме создавать, воспроизводить и изменять многообразные формы политической жизни. *Homo politicus* – тот, кто участвует в создании мира политики как сложной системы отношений и взаимодействий, определяющей облик власти в каждом конкретном обществе. И это не только представители правящей элиты и активные оппоненты власти, но то самое множество индивидов, из субъективных представлений которых складывается общая картина политической культуры общества, из действий которых формируются сложная сеть политических отношений, институциональных практик, пространство политических процессов. Не случайно С. Липсет своей работе, посвященной проблеме обусловленности демократического выбора уровнем социально-экономического развития страны, дал двойное название “Политический человек: социальные основы политики” [Lipset, 1960]. Тем самым он подчеркивает, что демократические преобразования в обществе обусловлены деятельностью человека, который привносит в сферу политических отношений свои экономические интересы

и социальные представления. Человек становится политическим, когда включается в строительство политических отношений.

Homo politicus – особый набор социальных качеств личности, позволяющий человеку адекватно ориентироваться в политическом пространстве, правильно определять свое место в системе политических отношений, уметь соответствовать ожиданиям участников политических взаимодействий, оценивать действия политических лидеров и откликаться на их призывы. *Homo politicus* – не только люди, отличающиеся повышенной политической активностью, но те, кто своим каждодневным поведением обеспечивают воспроизводство политической реальности, того мира политических отношений, который нам представляется объективным, развивающимся по своим законам и оказывающим на нас воздействие, например, в виде побуждения признавать сложившийся в обществе способ осуществления политической власти.

Словосочетание “политическая реальность” достаточно часто встречается в политологической литературе, и в большинстве случаев оно рассматривается как очевидное, не требующее особых пояснений. Реальным считается то, что было или есть, что можно наблюдать, эмпирически выявить и однозначно идентифицировать. Реальность противопоставляется виртуальности как чему-то придуманному, существующему в головах людей, не имеющему реальных корней в объективном мире. Созданные политическими технологами имиджи и рекламные образы, пропагандистские штампы и утопические взгляды, тиражируемые в Интернет-пространстве мифологемы и стереотипы, – все это рассматривается как элементы конструируемого виртуального мира, все больше и больше отрывающегося от мира реальных политических отношений. Значит ли, что современный человек живет в двух политических реальностях, временами паря в виртуальном пространстве, а потом опускаясь на грешную землю? Не страдает ли современный *homo politicus* раздвоением личности, пытаясь найти свое место в виртуальном и реальном политическом мире одновременно?

Думается, что сторонники деления политического мира на виртуальный и реальный игнорируют важную особенность объективированного социального мира, или социальной реальности, выявленную представителями феноменологической традиции и социального конструктивизма. А. Шюц писал: «Под термином “социальная реальность” я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения» [Шюц, 1994, с. 485]. Социальная реальность – это мир, в котором мы существуем, который воспринимаем как реальный, объективный, независимо от того, с помощью каких инструментов наши представления об этом мире формируются.

Политическая реальность – часть целостного мира социальной реальности, ее особым содержанием являются нормативный порядок, определяющий правила и процедуры политических взаимодействий, способы осуществления власти, а также сложившиеся в обществе коллективные представления о том, как может быть устроено государство, какие существуют формы борьбы за власть, какое место занимает каждый конкретный человек в этой системе властеотношений, какие действия могут считаться приемлемыми в каждой конкретной ситуации и т.д. Иными словами, политическая реальность – это институциональная система политической власти и политическая культура общества, вобравшая в себя все многообразие коллективных представлений о политике.

Политическая реальность объективна, поскольку человек не может игнорировать нормы и правила институционального порядка. Он не всегда в полной мере осознает это нормативное давление, подчас ему кажется, что он поступает свободно и рационально, хотя на самом деле воспроизводит опривыченные модели поведения или следует сложившимся стереотипам и ценностным предпочтениям. Вступая во взаимодействия с другими людьми, человек интерпретирует их намерения, оценивает их поступки в

соответствии с некоторой ценностной шкалой. Но эти интерпретации и оценки также не произвольны, они предопределяются сложившимися в обществе представлениями о статусно-ролевых требованиях и культурных паттернах, мифологемами и архетипами, ценностными предпочтениями и идеологемами.

Но объективность политической реальности носит особый характер, принципиально отличающийся от объективности мира физических объектов. Политическая реальность возникает только там, где есть люди, обладающие однотипными представлениями, понимающие смыслы и значения действий друг друга. Например, молния как природное явление возникает независимо от людей, которые могут лишь учитывать его при обустройстве своей повседневной жизни – сделать громоотвод на крыше дома, с развитием научно-технического знания даже использовать энергию электрического разряда в своих интересах. Но молнии польхали над землей и тогда, когда на ней не было человека, а вот политические режимы появились только на определенной степени социогенеза. И если люди по какой-то причине покинут обустроенную территорию, то вместе с ними “уйдут” политические институты, отношения, организации.

Политическая реальность не существует без людей, воспроизводящих все ее элементы в своем сознании и своих действиях. Политические нормы и правила политического взаимодействия появляются только, если есть люди, которые знают об их содержании, смысле и значении, следуют в своих поступках соответствующим нормативным требованиям. Институциональные отношения, групповые взаимосвязи в политике реальны только потому, что люди становятся активными участниками их воспроизводства. Политические ценности, мифы и идеологии превращаются во внешнюю побудительную силу для многих людей, если те о них знают, верят в их истинность и значимость.

Шюц назвал данное свойство социальной реальности интерсубъективностью. Он писал: “С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором живем... как интерсубъективный мир, то есть как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому...” [Шюц, 1994, с. 485]. Политическая реальность также интерсубъективна, она создана многими поколениями, оставившими частичку себя в политической культуре общества, в институциональных моделях взаимодействий, в групповых нормах и предпочтениях. Она представляет собой феномен коллективного сознания и существует потому, что в памяти многих людей хранятся и постоянно актуализируются однотипные представления о том, как должно осуществляться управление делами общества, что такое государство, как организована система политической власти, что можно делать для оказания воздействия на принятие политических решений, и т.д.

Рассогласования в системе представлений людей сразу же ведут к сбою привычных политических взаимодействий. Ведь если у нас нет знаний, разделяемых другими людьми, то становится практически невозможной интерпретация смысла их действий, понимание их поступков, нарушается взаимная согласованность действий, лежащая в основе функционирования политических институтов, организаций, всей политической системы общества. “В известном смысле, – пишет А. Казанцев, – можно сказать, что институты живут исключительно в нашем сознании. Конечно, законы и уставы зафиксированы на бумаге, но они становятся реальными правилами поведения только при условии, что: (1) они так или иначе известны большинству; (2) наши неформальные интерпретации этих законов и уставов в какой-то мере совпадают и (3) мы в меру своего понимания следуем им. Точно так же и организации способны реально существовать лишь тогда, когда люди подчиняются структурирующим их правилам, более или менее однозначно понимают такие правила и считают их легитимными” [Казанцев, 2003, с. 75]. Не случайно Э. Остром, говоря об институтах, указывает на то, что они “невидимы” (*invisible*), так как “они существуют в умах участников и чаще в форме имплицитного знания, чем в эксплицитной и писаной форме” [Ostrom, 1999, p. 37].

Как становится возможной политическая реальность? В современной науке не ставится под сомнение “человеческий” фактор создания основ социальной, в том числе политической, жизни, хотя интерпретаций способов и форм участия человека в производстве всех видов социального существует немало. Методология социального конструктивизма ориентирует нас на то, что процесс создания социальной реальности носит коммуникативный характер. Вступая во взаимодействия, люди начинают вырабатывать однотипные представления, смысловые значения, договариваются о единых правилах или нормах поведения, формируют “общее” знание. Именно эти “коллективные представления” и становятся кирпичиками, из которых будет складываться ткань социальных отношений. Идея особой природы социального, когда объективность начинает создаваться коллективным сознанием, высказывалась и представителями объективистского направления в социологии. Так, Э. Дюркгейм базовое понятие в своей теоретической конструкции социального – социальные факты – определял как “способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются” [Дюркгейм, 1995, с. 31]. Но только в социальном конструктивизме предпринята попытка осмыслить содержание процесса объективации социального мира.

П. Бергер и Т. Лукман [Бергер, Лукман, 1995] описывают создание социальной реальности как непрерывное развитие трех взаимосвязанных процессов – экстернализации, объективации и интернализации. Экстернализация – это демонстрация в ходе непосредственного, лицом к лицу, взаимодействия намерений, определение взаимных ожиданий, уточнение способов и моделей поведения, это перевод внутренних мотивов в конкретные действия, которые согласуются с действиями других, становятся достоянием не только действующего человека, но и вступающих с ним в контакт других людей, это действия, ориентированные на других и определенным образом ими интерпретируемые. Повторяемость этих действий приводит к опривычиванию (хабитуализации), и вновь вступая во взаимодействие по этому поводу, люди в самых общих чертах повторяют эти действия. Объективация – это постепенное укоренение выработанных и опривыченных форм взаимодействия, признание их в качестве правительных с вытекающими отсюда требованиями к каждому новому участнику взаимодействия следовать этим правилам. Объективация требует лингвистического определения нормативного порядка, то есть использование слов, символов, разъясняющих суть и содержание норм и правил, что делает возможным их понимание теми, кто не участвовал в исходном взаимодействии. Интернализация – усвоение внешнего знания о нормативном порядке, перевод этого знания внутрь личности, что позволяет ей распознавать ситуацию, когда данный нормативный порядок надо воспроизводить и каким образом надо действовать. Следствием интернализации становится способность человека “узнавать” те или иные объекты социальной реальности, подчиняться их логике без принуждения со стороны других людей.

Возникновение политической реальности, на мой взгляд, вполне укладывается в рамки предложенной Бергером и Лукманом логики. Вначале люди вступали в новый для них вид взаимодействия, например господства над поработченными представителями иного племени. В ходе этого взаимодействия они определенным образом интерпретировали действия друг друга, наделяли их некоторым смыслом. Так сформировался некоторый комплекс жестов, слов и символов, с одной стороны, демонстрировавших намерение завоевателей навязать свою волю, сломить сопротивление, а с другой – обозначающих смирение поработченного племени. Первоначально демонстрация символов подкреплялась действиями, например применением физического насилия, но постепенно происходило запоминание связки “действие–символ” и для получения необходимой реакции двух взаимодействующих субъектов достаточным уже становилось предъявление только слова, символа. Отношения власти становились возможными в результате не прямого принуждения, а обладания достаточным запасом знаний, позволявшим обеим сторонам адекватно интерпретировать намерения друг друга. Эти знания, выраженные в словах и символах, передавались другим

людям. В итоге те, кто не участвовали в первоначальном взаимодействии, оказывались способными его воспроизводить при предъявлении соответствующих символических значений. Иными словами, совсем не обязательно подвергнуться физическому насилию, чтобы научиться подчиняться. Для этого человеку достаточно знать то символическое поле, которое ориентирует его на подчинение.

Таким образом, конструирование политической реальности можно представить как процесс создания символов, значений, смыслов, которые первоначально закрепляли и отражали реальные практики, взаимодействия, а затем начинали обретать самостоятельный характер. Постигание значения символического вело к тому, что постепенно процесс конструирования политической реальности все больше смещался к обратной логике, когда создание идеальных конструкторов начинало предшествовать конкретным политическим практикам.

Политическая реальность – это символическая реальность. В ней нет материальных объектов, а есть только знаки (вербальные и невербальные), наполненные определенными смыслами и значениями, которые помогают людям понимать намерения и действия друг друга, которые задают им определенные модели поведения, упорядочивая характер взаимодействий. Именно символическая форма придает политической реальности то особое качество, которое отличает ее от реальности мира природы. Как отмечалось [Пушкарёва, 2012], политическая реальность требует иных принципов восприятия, перцепции. Человек видит стоящее дерево, слышит шум листьев, вдыхает свежий запах, он может потрогать это дерево и даже попробовать на вкус его кору. Политическая норма или любой другой объект политической реальности недоступны органам чувств. Но человек, выросший в обществе, общающийся с другими людьми, “узнает” объекты политического мира. Он понимает, что можно позволить себе в общении с другом, а что – в общении с чиновником государственного учреждения, он отличает политического лидера от других людей, различает “хороших” и “плохих” политиков, знает, в каких случаях надо подчиняться властям, какие предпринять шаги, чтобы сделать политическую карьеру, и т.д. Иными словами, человек умеет выстраивать свою линию поведения в социуме, обходя препятствия, как путник в физическом пространстве. Только путник для распознавания препятствий полагается главным образом на зрение, слух и обоняние, а для распознавания социальных и политических объектов необходимо особое знание, выраженное в словах, символах, значениях, смыслах. Если человека мы видим, то смысл его действия мы понимаем. Именно понимание позволяет человеку ориентироваться в объективном социальном и политическом мире, улавливать происходящие в нем изменения.

Когда мы говорим о политической реальности как об особом феномене коллективного сознания, это не означает, что все люди в обществе обладают одинаковыми знаниями и представлениями о политике. Но индивидуальные различия не мешают людям иметь некий общий запас знаний, позволяющий им адекватно интерпретировать смыслы и значения действий друг друга. Именно это общее знание делает возможным воспроизводство политической реальности, а для каждого человека – реальными объекты политического мира. Люди верят в реальность этих объектов, и эта вера делает их действительно реальными.

Будучи intersubjectивной по сути, политическая реальность создается и воспроизводится благодаря коммуникации. Только в ходе постоянного процесса обмена информацией у людей формируются однотипные представления о порядке осуществления власти в обществе, о нормах политического поведения, о характере институциональных отношений. Благодаря коммуникации осуществляется объективирование политических взаимодействий, формируется пространство политических объектов, структурных отношений, создается политический порядок, который формирует у людей ощущение определенности окружающего мира, возможности выстраивать свои индивидуальные линии поведения, будучи уверенными, что их действия будут адекватно проинтерпретированы.

Воспользуемся понятием “политический дискурс”, чтобы описать особенности конструирования политической реальности в процессе политической коммуникации. Данное понятие, как справедливо отмечает М. Ильин, оказалось “разорванным” разными научными дисциплинами и школами, что привело к его неоднозначной интерпретации в исследовательских работах [Ильин, 2007, с. 537]. В этой связи считаю необходимым уточнить свою позицию. Я буду опираться на определение профессора Амстердамского университета Т. ван Дейка, известного своими работами в этой области. “Дискурс, – писал он, – в широком смысле слова, является сложным единством формы, значения и действия” [Дейк, 2000, с. 121]. Это сложное единство заключается в том, что дискурс – продукт коммуникативного взаимодействия, в котором его участники обмениваются своим видением ситуации и формируют общее смысловое поле, позволяющее им понимать возможное развитие событий в складывающейся ситуации.

Итак, политический дискурс – смысловые значения, рождающиеся в ходе взаимодействий людей в пространстве политических отношений и с помощью которых формируется некоторая система правил интерпретации политических объектов, действий политических акторов, обеспечивающая взаимопонимание участников взаимодействий. Дискурс – не любая информация, а лишь включенная в коммуникационные процессы, ориентированная на восприятие других людей и становящаяся предметом интерпретации двух и более индивидов.

Политический дискурс в современном обществе многообразен, поскольку многообразны политические взаимодействия. Если в стране проходит избирательная кампания, то неизбежно формируется и соответствующий дискурс. Процесс принятия любого политического решения, акции оппозиции, политика правящей элиты – все эти виды взаимодействий находят свое выражение в соответствующих видах дискурса, которые придают данным взаимодействиям смысл, позволяют людям адекватно реагировать на действия друг друга. Дискурс может иметь локальное значение, когда предмет взаимодействия касается нескольких человек (например, кадровые перестановки в маловлиятельной политической организации), а может достигать национального масштаба, когда проходят выборы главы государства и большинство граждан вовлекаются в обсуждение качеств претендентов на высокий пост.

Любой вид политического дискурса сложносоставной, он включает обмен информацией между участниками процесса по целому ряду параметров, определяющих содержание и характер взаимодействий. Можно выделить следующие поддискурсы: определение сцены, достижение договоренности о распределении ролей, артикуляция ролевой активности, оценочные суждения качества исполнения ролей. Прежде чем рассмотреть содержание каждого из поддискурсов, отмечу, что их выделение – чисто логическая процедура, в реальном общении, коммуникативном взаимодействии они представлены как некое смысловое единство. Однако понимание специфики каждого из них позволит глубже уяснить роль дискурса в воспроизводстве политической реальности.

Подавляющее большинство политических взаимодействий происходит на определенных институциональных площадках, то есть в условиях сложившегося нормативного порядка, определяющего общие правила совместного поведения людей. Действия, разворачивающиеся на таких площадках, обладают целым набором типических черт, независимых от конкретных исполнителей соответствующих ролей. Например, мы знаем, что поведение людей на съезде политической партии и на политическом митинге будет отличаться, что заседание правительства и неформальная встреча премьер-министра со своими подчиненными проходят по разным сценариям. Сложившиеся правила и процедуры, подкрепленные механизмами позитивных и негативных санкций, вынуждают людей, как актеров на сцене, разыгрывать определенную последовательность действий. А чтобы действия всех актеров были согласованы, им необходимо знать, какой спектакль они играют.

Определение сцены как раз и есть та предварительная дискурсивная практика, в ходе которой люди вырабатывают согласованное мнение о характере и содержании инициируемого процесса. Поскольку в памяти людей хранится информация о некоторых типичных ситуациях развертывания событий, то для совместного определения сцены политического взаимодействия обычно достаточно актуализировать соответствующие когнитивные структуры. Если активисты политического движения заявляют о проведении митинга, то для всех участников мероприятия определение сцены будет проходить через актуализацию в их сознании правил и процедур данного взаимодействия.

Поддискурс, в котором определяется сцена политического взаимодействия, – базовый, он задает общий контекст демонстрируемой потенциальными участниками активности. Подчеркну еще раз, что декорирована такая сцена нормами и правилами, определяющими содержание политической институциональной системы. Поэтому, чтобы вписаться в антураж этой сцены, необходимо найти свою статусную позицию, которая позволит исполнить роль в соответствии с установленными правилами игры. Поиск своего места на сцене сопровождается демонстрацией намерений претендента, выражением согласия других участников распределения ролей. Главный итог этого поддискурса – распределение ролей на конкретной сцене политического взаимодействия.

Два вида поддискурса – определение сцены и распределение ролей – в сложившемся институциональном поле свернуты. Людям, знакомым с правилами взаимодействий в ситуациях, типичных для данного общества, не требуются дополнительные разъяснения смысловых значений возникающих способов совместного решения проблем. Если же взаимодействие возникает в условиях институциональной неопределенности, когда правила еще не обрели общепризнанного характера или когда они устанавливаются одной из сторон (например, правящая элита пытается провести политические реформы), эти два вида дискурса могут превратиться в длительную дискуссию о целесообразности институциональных нововведений, об эффективности создаваемых правил и процедур.

Достижение общей договоренности о параметрах сцены открывает путь к развертыванию поддискурса о качестве исполнения принятых ролей. Индивиды начинают демонстрировать модели поведения, свойственные ролевым ожиданиям. Они распространяют информацию о своих действиях, формулируют взаимные требования, рассказывают о своих успехах, оправдывают свои неудачи, пытаются таким образом сформировать выгодное для себя информационное пространство, позволяющее им в максимальной степени реализовать свои интересы. Если мы возьмем избирательный процесс, то все его участники вносят свой вклад в развитие этого дискурса: кандидаты занимаются позиционированием и формированием позитивных имиджей, избирательные комиссии вносят в информационное пространство сообщения о своей организаторской и контролирующей деятельности, избиратели формулируют свои требования к кандидатам.

Дискурс, сопровождающий реальные взаимодействия, отличается особой насыщенностью. Он включает самопрезентации, то есть информацию о том, как акторы хотели бы выглядеть в глазах общественности, какие оценки они хотели бы получить за свои действия, а также позитивные и критические суждения, отражающие позиции других участников событий и внешних наблюдателей. Чем значимее событие для определенных групп интересов, тем более громкий общественный резонанс оно получает, его обсуждение начинает выходить за круг его непосредственных участников. Создаются целые массивы информации, отражающие реальные действия, намерения, ожидания, устремления многих людей. Дискурс делает политический мир реальным, актуальным для включенного в коммуникационные процессы индивида, создает “эффект присутствия” политических объектов, понимание их упорядоченности и умение видеть нарастание нестабильности политической системы, позволяет определять различные ситуации и выбирать адекватные модели поведения для этих ситуаций.

Дискурс, внутренне связанный с политическими взаимодействиями, не дает людям возможность познать сущность политических институтов, понять их логику, закономерности. Политические объекты могут оставаться для вовлеченных в обсуждение политических проблем непостижимыми и непрозрачными, что создает условия для их неадекватной интерпретации. Но он позволяет выявить взаимные ожидания людей, уточнить намерения и смыслы действий, которые обычно непосредственно связаны с положением человека в системе институциональных взаимоотношений с действующими в данный момент нормами и правилами. Он избавляет людей от необходимости теоретического знания о политической системе, о ее закономерностях, но при этом делает для них эту систему реальной, воплощенной во взаимных ожиданиях людей, в разделяемых ими смыслах и значениях действий.

Наряду с таким практическим, то есть обеспечивающим взаимодействия людей на политических сценах, можно особо выделить дискурс ценностный, включающий все многообразие циркулирующих в обществе мнений, суждений о значимости тех или иных политических объектов, о желательных и нежелательных состояниях политической сферы. Примером ценностного политического дискурса может быть обсуждение в обществе демократии как особой формы политического устройства, ее достоинств и некоторых ограничений. Причем уровни такого обсуждения складываются в диапазоне от теоретических работ с развернутой системой обоснования до отрывочных, не всегда корректно выраженных, суждений, проскальзывающих в беседе обычных людей, не обладающих специальными знаниями в области политики.

Главными инициаторами ценностного политического дискурса выступают, с одной стороны, правящая группа, заинтересованная в легитимации существующего политического режима, а с другой – оппозиционные силы, настаивающие на изменении системы государственной власти и выдвигающие свои ценностные основания таких преобразований. Поэтому ценностный политический дискурс обретает форму идеологических споров и дискуссий и, как правило, выстраивается на противопоставлении “хорошей” формы государства и “плохой”, на конкуренции “правильных” и “неправильных” представлений о всеобщем благе, социальной справедливости и т.п.

Практический и ценностный политические дискурсы воссоздают в обществе два уровня политической реальности. Первый – институциональный, воплощенный в устойчивых статусно-ролевых позициях, принятых моделях политического действия, политических нормах и правилах. Этот уровень задает основные параметры политической сцены, определяет характер взаимных ожиданий, регулирует порядок взаимоотношений. Второй – ценностный, существующий в виде принятых в обществе способов легитимации нормативного порядка – идеологий, мифов и других видов политических представлений, оправдывающих или оспаривающих сложившуюся институциональную систему, определяющих направления совместного поиска оптимальных путей политического развития.

Итак, политическая реальность существует потому, что люди вовлечены в коммуникативные процессы, они предлагают свои интерпретации политических событий, сигнализируют о своих намерениях, пропагандируют определенные ценности, информируют о правилах поведения в конкретных ситуациях и т.д. Означает ли это, что человек в любой момент может вмешаться в процесс производства политической информации и полностью подчинить его своим интересам, иницировать такие способы интерпретации политических объектов, лидеров, действий, которые в корне изменили бы политическую реальность? В истории известны случаи введения жесткой политической цензуры при одновременной массивной пропаганде определенных политических взглядов, что в конечном итоге способствовало появлению той или иной формы тоталитаризма. Однако тотальный контроль над современным информационным пространством вряд ли возможен. Политический дискурс, создаваемый множеством коммуникаторов, представляет собой особую субстанцию, сопротивляющуюся рациональному воздействию новоявленного “творца” и не поддающуюся произвольному изменению.

Актуальное состояние пространства политического дискурса обеспечивается двумя видами коммуникационных каналов: каналы непосредственного общения, когда информация передается в формате “лицом к лицу”, и каналы опосредованного взаимодействия, когда информация передается с помощью различных посредников – СМИ, рекламы, печатной продукции, символических изображений, высказываний лидерами мнений и т.д. Специфика политической сферы заключается в особой значимости второго вида каналов коммуникации. Публичный характер политической власти требует донесения информации до широких аудиторий, поэтому на разных исторических этапах создавалась своя сеть коммуникационных каналов, через которые прокачивалась нужная правящей элите и ее политическим конкурентам информация. Гонимые и гонимые, пропагандисты и агитаторы, листовки и газеты, радио и телевидение – таков неполный перечень каналов, которыми пользовались и пользуются политические акторы для формирования определенной тональности политического дискурса. Чем больше ресурсов у политического актора, тем шире задействованный им круг каналов опосредованной коммуникации. В тоталитарном обществе практически все эти каналы работают в интересах правящей группы, “прокачивают” информацию, нацеленную на обеспечение воспроизводства определенных институциональных практик и легитимацию режима.

Демократия, основанная на принципе конкуренции элит, должна создавать равные условия выхода в публичное информационное пространство для всех политических сил. С этой целью создается институт независимых СМИ, гарантируется свобода слова, провозглашаются принципы политического и идеологического плюрализма. С помощью каналов опосредованной коммуникации в информационное пространство начинают закачиваться сюжеты разной ценностной направленности, способные формировать у населения противоречивое видение политического мира. Например, СМИ могут предоставлять возможности лидерам разных политических сил излагать свои взгляды, давать в эфир сюжеты не только о политике правительства, но и о действиях оппозиции.

В настоящее время возрастает значение Интернета как канала массовой коммуникации. В отличие от традиционных СМИ, информация по данному каналу распространяется практически мгновенно, но главное – Интернет создает возможности для вовлечения в обсуждение конкретной политической проблемы неограниченного числа пользователей. На сайтах политических организаций создаются интерактивные сервисы, площадками обсуждения политических событий становятся социальные сети, блоги. Интернет позволяет осуществлять общение между людьми, разделенными значительными расстояниями в физическом пространстве, и такой вид общения усиливает стохастичность пространства, формируемого политическим дискурсом, поскольку не поддается централизованному контролю. В сетевых сообществах непредсказуемым образом могут долго удерживаться одни виды информации и быстро утрачиваться другие. Например, озвученная властями позиция может быть быстро вытеснена альтернативными мнениями и суждениями, официальные сообщения замещены информацией, подвергающей сомнению формальный нормативный политический порядок, и т.п. Возникающие островки политических субкультур способны при определенных условиях стать очагами распространения новых представлений о политическом порядке, об институциональной системе власти, провоцируя тем самым серьезные изменения в политической реальности.

Стабильность демократических политических систем в условиях идеологической пестроты политического дискурса поддерживается достигнутым в обществе консенсусом в отношении основных параметров институционального порядка. Однако этот консенсус должен постоянно подпитываться информацией о важности правил институциональных взаимодействий, об их эффективности, практической целесообразности, необходимости. Обычно главным хранителем институционального порядка является государство, поэтому именно оно целенаправленно распространяет информацию не только о правовых нормах, регламентирующих разные виды социальной

деятельности, об изменениях в законодательстве, но и сюжеты о реальных ситуациях, когда с помощью сложившихся институтов удалось решить ту или иную жизненную проблему. Такие сюжеты многообразны, в них может идти речь о работе парламента, правительства, судебных органов и т.д. Но они несут в себе не только информацию о прошедшем событии, но и актуализируют в сознании граждан основные принципы государственного устройства, напоминают о нормативном порядке, в рамках которого с той или иной степенью эффективности могут быть решены проблемы, волнующие граждан.

Коммуникация – это и процесс рождения *homo politicus*, и способ существования политической реальности. Только в общении с другими людьми человек обретает знания и навыки политического поведения, вырабатывает у себя систему представлений о мире политических отношений. И только в ходе постоянных процессов коммуникации становится возможным появление относительно устойчивого порядка осуществления политической власти в обществе, объективированного мира политики, политической реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад, подготовленный Институтом социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2011.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Ильин М.В. Политический дискурс // Политология. Лексикон. М., 2007.

Казанцев А.А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // ПОЛИС. 2003. № 1.

Политика – притягательная и отталкивающая. 15 октября 2012 (<http://fom.ru/pokitika|10660>).

Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1999.

Пушкарёва Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // ПОЛИС. 2012. № 2.

Щеглов И.А. Проблема человека политического в теории политической социализации (<http://www.teogia-practica.ru/-7-2012/politics/shcheglov.pdf>).

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.

Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960.

Ostrom E. Institutional Rational Choice: an Assessment of the Institutional Analysis and Development Framework // Theories of the Policy Process. Boulder, 1999.

© Г. Пушкарёва, 2013